

УДК 314.7(571.6)

ВНУТРЕННЯЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI в.¹

© 2013 г. С.Н. Мищук

Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, Биробиджан

Поступила в редакцию 15.03.2013

В статье дан ретроспективный анализ процессов заселения Дальнего Востока России, на основе которого предложена периодизация освоения данного макрорегиона с позиции изменения миграционных процессов. Проанализированы факторы формирования и динамика миграционных потоков в рамках трех периодов. Показаны особенности и причины неудовлетворительного процесса освоения Дальнего Востока переселенцами из европейской части России, с одной стороны, и особенности применения труда китайских и корейских земледельцев на российской территории – с другой, в течение первого периода. Рассмотрена динамика принудительных и добровольных миграций, причины снижения числа привлекаемой иностранной рабочей силы в регионе в рамках второго периода. Показано формирование противоположно направленных миграционных потоков (внутрироссийского и международного) в течение третьего периода.

В настоящее время остаются актуальными вопросы выбора направлений и способов развития Дальнего Востока России. При этом особенности географического положения, а именно: удаленность от центральных районов страны, низкая транспортная доступность территории осложняют процессы переселения и освоения Дальнего Востока. Вместе с тем этот макрорегион расположен в зоне интересов других стран, что находило отражение в его истории.

В середине XVII в. отряды казаков с севера направлялись в Забайкалье и Амурский край с целью обложения ясаком туземцев, изучения территории и поиска золотых и серебряных руд. Однако планомерная и деятельная русская колонизация Дальнего Востока началась со второй половины XVIII в. в связи с развитием горного дела: почти все русское крестьянское население края было приписано к заводам. После заключения с Китаем Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров на левом берегу Амура стали образовываться казачьи станицы [6].

На Дальнем Востоке пересекались несколько потоков колонизации по видам (принудительное и добровольное переселение) и по продолжительности пребывания мигрантов (стационарное и

сезонное). Стационарный поток был характерен для переселенцев из других районов России, сезонный – в преобладающем большинстве случаев для международной (азиатской) миграции.

В исследованиях многих авторов приводятся периодизации этапов заселения и освоения Дальнего Востока, основывающиеся на различных принципах: в рамках изучения трансформационного цикла регионального развития [24], в рамках переписей населения [26], по способу переселения [29], исходя из анализа проводимой государством демографической политики на Дальнем Востоке [32], по типам заселения территории [33], по характеру привлечения и использования иностранной рабочей силы [34]. Цель нашего исследования состоит в периодизации – выделении *периодов* и *этапов* и анализе динамики миграционных процессов на Дальнем Востоке России с точки зрения изменения количественных и качественных показателей внутрироссийской и внешней (международной) миграции и ее влияния на демографические процессы региона с конца XIX в. по настоящее время. Переселенческое движение из европейской части России (внутрироссийская миграция) анализируется с 1861 г., когда передвижение крестьян имело относительно свободный характер в связи с отменой крепостного права, международные миграции – со времени подписания Айгунского договора.

¹Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ МК-4317.2013.6.

Миграционные процессы рассматривались нами по этапам в рамках трех периодов: I – досоветский и ранний советский (с конца 1850-х годов до 1926 г.); II – советский (с 1927 до 1989 г.); III – поздний советский и постсоветский (с 1990 г. по настоящее время).

ДОСОВЕТСКИЙ И РАННИЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1850-е годы – 1926 г.)

Подписанием Айгунского и Пекинского договоров Россия закрепила за собой часть территории на Дальнем Востоке (Приамурье и Приморье). Именно в этот период сложились два взгляда на государственную принадлежность данных территорий. Со стороны китайских ученых в отношении политики России на Дальнем Востоке сформировалось мнение об аннексии исконно китайских земель. Российские ученые считали, что ни рассматриваемые земли, ни их население не входили в традиционные пределы Китайской империи, до освоения русскими данные земли не принадлежали ни одной из сторон [9].

Основной причиной привлечения населения из европейской части России на Дальний Восток был внеэкономический фактор, при этом формирование трудового потенциала как основы развития хозяйственного комплекса региона происходило для решения общественно-политической задачи [24]. Первый государственный орган по делам Дальнего Востока, в том числе и для помощи переселенцам из Забайкалья, – Особый комитет для обсуждения проблемы Амура был создан в 1849 г. В 1892 г. было организовано Южно-Уссурийское переселенческое управление с целью подчинить колонизацию Дальнего Востока строгому государственному контролю и регулированию [32].

В рамках данного периода можно выделить следующие этапы российского освоения Дальнего Востока России.

На *первом этапе (1861–1881 гг.)* заселение Приамурского и Приуссурийского края происходило медленно, что объяснялось, в том числе, отрицательным отношением правительства, боявшегося после отмены крепостного права массового отъезда крестьян из Европейской России [6]. В 1863 г. население всего Дальнего Востока составило 50 тыс. человек. За указанные годы в Приамурье и Приморье прибыло 16,8 тыс. человек. В этот период введены специальные налоговые и земельные льготы для переселенцев на Дальний Восток, в результате которых к 1880 г. численность населения в регионе составила 140 тыс. человек [31].

Второй этап (1882–1913 гг.). Происходит постоянное увеличение числа переселенцев, что связано с рядом принятых мероприятий. В дополнение к существующим льготам введены налоговые правила, открыт регулярный морской паромный рейс между Одессой и Владивостоком. В результате принятых мер за это десятилетие число переселенцев превысило 400 тыс. человек [24].

В связи со строительством Транссибирской железной дороги за период 1892–1901 гг. число переселенцев, занятых на ее строительстве, составило более 73 тыс. человек. По данным В.В. Оболенского, переписью 1897 г. установлено, что численность населения Дальнего Востока составила 372 тыс. человек [27]. На наш взгляд, обозначенная численность вполне допустима из-за существовавшего миграционного оттока населения из региона.

Исходя из новых подходов в концепции аграрной переселенческой политики П.А. Столыпина с 1901 г. произошли изменения в организации переселенческого движения, в результате с 1906 по 1910 г. наблюдался максимальный приток мигрантов – 213 тыс. человек [там же]. На начало 1911 г. численность населения Дальнего Востока составила 818,9 тыс. человек, в том числе русских и крестьян-казаков 628 тыс. человек. Основная часть населения размещалась в Приморской области (524 тыс. человек, в том числе 380,5 тыс. – русские); в Амурской области общая численность населения составила 286 тыс. человек, из которых 242 тыс. – русские, в Сахалинской области – 8,9 тыс. (русских 5,5 тыс. человек) [5].

Третий этап (1914–1926 гг.). На 1 января 1915 г. население Дальнего Востока достигло 969 тыс. человек [27]. На общую численность повлияли обратные миграционные потоки: с 1896 по 1914 г. численность осевших переселенцев составила 348 тыс. человек [там же] (учету подвергались крестьяне-переселенцы, принудительно переселяемые и ссыльные, но не учитывались горожане, промышленные рабочие и “нелегальные переселенцы”). Две войны (Первая мировая и Гражданская) негативно сказались на миграционных процессах и численности населения на Дальнем Востоке в конце первого периода. По данным городской и сельскохозяйственной переписи 1923 г., численность населения по Дальнему Востоку составила 1572,7 тыс. человек, в том числе в Приморской губернии (без острова Сахалин) 643,3 тыс. человек, Амурской губернии (392,2 тыс.) [6]. К середине декабря 1926 г. численность населения снизилась до 1278 тыс.

человек [10]. Однако в целом с 1863 по 1926 г. население Дальнего Востока возросло в 25 раз.

Важно обратить внимание на особенности процесса колонизации в первый период. В справочной книге для переселенцев в Амурскую область уточняется, что "...нелегко добраться до Амура, а еще труднее здесь устроиться: жизнь дорога, хозяйство ведется иное, — не так как в России, в обработке земля тяжела, да и климат другой". Вместе с тем авторы справочника утверждали, что здесь можно было заработать и стать зажиточным. "Переселенцу нужно помнить всегда, что в первое время на Амуре его ожидает тяжелый труд и лишения, да и денег не мало надо будет потратить при устройстве...", однако "...не было примера, чтобы человек трудящийся, трезвый и хорошо работающий после трех-четырех лет жизни на Амуре не сделался бы зажиточным хозяином" [1, с. 6–7]. К сожалению, часто русский крестьянин-переселенец оказывался совершенно неприспособленным к дальневосточной природе и требованиям к ведению здесь сельского хозяйства.

В то же время в Приморском и Уссурийском краях, Амурской области проживало многочисленное китайское, корейское и маньчжурское население. Первая группа китайцев по контракту (150 человек) была привезена в середине 1870-х годов [3]. До 1885 г. на Дальнем Востоке на одного русского приходилось 1.43 иностранных подданных (китайцев, корейцев). Однако к концу 1880-х гг. это соотношение составило 1 к 0.8 [18]. Вероятно, причинами данных изменений послужили более интенсивный приток русских переселенцев, а также введение с 1885 г. более строгого учета китайских подданных.

Подчеркнем, до 1868 г. (т.е. до "манзовской войны", связанной с вооруженными столкновениями между русскими переселенцами и манзами — оседлыми китайцами, постоянно проживавшими в Уссурийском крае) русские власти не проводили оценку китайских мигрантов и не учитывали их присутствие при разработке мероприятий по дальнейшему развитию региона. Начиная с 1876 г. принимается ряд решений о регулировании деятельности китайских подданных на территории Дальнего Востока. В 1885 г. введены особые правила, которые применялись русской администрацией в отношении китайских подданных вплоть до начала Первой мировой войны при отсутствии иммиграционного закона [20].

Колонизация северо-восточных окраин Китая шла крайне активно. Развернувшаяся компания по заселению приграничных территорий в первую

очередь была обусловлена политическими, геостратегическими, военными мотивами. С 1881 г. началось расселение китайцев между Хунчуном и Нингутой по линии, противолежащей русской границе. С 1887 по 1895 г. численность населения Хэйлунцзянской провинции увеличилась с 408 тыс. до 1.5 млн человек. Очевидно, что при наличии чрезвычайно острой проблемы недостатка рабочих рук на русской территории Манчжурия стала поставщиком сюда китайских отходников [там же]. В начале XX в. колонизационная политика Китая была не менее интенсивной. Нужно отметить, что строительство КВЖД стало подарком китайским крестьянам, позволившим резко ускорить процесс колонизации Маньчжурии [36].

Трудовые иммигранты оказали большое влияние на развитие русского сельского хозяйства. Технологические преимущества китайцев и корейцев были очевидны и обусловлены использованием приемов земледельческой культуры, доставшихся им от предков, проживавших на территории с подобными природно-климатическими условиями не одно поколение. "Желтым соседям нет надобности приспосабливаться к особенностям климата и другим условиям наполняемой ими страны, при этом переселенцам Приамурского края приходится потратить много сил и энергии, прежде чем укорениться в новой малоизвестной обстановке" [1, с. 7]. В Амурской области очень эффективно земледелием занимались корейцы. Выращивая просо, пшеницу, ячмень, овес, кукурузу, горох, картофель и др., они получали огромные урожаи, в четыре раза больше, чем у русских переселенцев [1].

Как результат неприемлемости русской сельскохозяйственной культуры и невозможности конкуренции с китайцами и корейцами происходило повсеместное превращение хлеборобов-крестьян в землевладельцев, живущих за счет ренты. Самим обрабатывать землю по-русски было невозможно, а привлекать для работ китайцев — невыгодно с военной, геополитической точки зрения. Единственным возможным вариантом была сдача земли в аренду [21]. При этом русские крестьяне получали прибыль от разницы между выплачиваемой ими арендной платы казне или частным лицам в размере 2.5 руб. и суммы, получаемой от китайцев за аренду земли (5 руб. 63 коп.) [20].

На данном этапе прогрессирующее распространение китайской и корейской аренды и в связи с этим забрасывание крестьянами и казаками собственного хозяйства можно рассматривать как *культурное поражение русской колонизации Дальнего Востока* [21].

Данные о численности китайцев в начале XX в. разнятся. Максимальная численность китайского населения на Дальнем Востоке, рассчитанная на основе средней потребности в продуктах на одного человека, составила не менее 325 тыс. человек [20]. Признавая важность труда мигрантов, российское правительство и общественность испытывали опасения относительно возрастающей зависимости отдельных отраслей хозяйства Дальнего Востока от иностранных рабочих. Опасения относились в первую очередь к китайцам.

Подводя итоги заселения Дальнего Востока в данный период, можно говорить, что русская колонизация в основном опиралась на вооруженную силу, однако уже было очевидно, что “...опора эта имеет свои пределы, и хозяйственному росту соседей край должен противопоставить собственный хозяйственный рост” [21, с. 38–39]. При этом *русское население в целом не смогло адаптироваться к новым природным, экономическим, технологическим условиям, в результате ожидаемые результаты освоения Дальнего Востока не были достигнуты.*

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД 1927–1989 гг.

Освоение Дальнего Востока России в данный период, так же как и ранее, ориентировалось в первую очередь на решение геополитических, а не экономических задач. Рамки этапов переселенческого движения во второй период освоения Дальнего Востока (с 1927 по 1989 г.) обозначены годами проведения всесоюзных переписей населения, они позволяют не только получить необходимые статистические данные, но и проследить динамику демографических процессов.

Четвертый этап (1927–1939 гг.). В это время рабочая сила остается наиболее дефицитным ресурсом в регионе. Миграционная политика была ориентирована на увеличение числа лиц трудоспособных и репродуктивных возрастов, а также на перемещение специалистов, исходя из проводимой ускоренной модернизации индустриального сектора экономики Дальнего Востока [13]. Государство широко применяло внеэкономические методы: проблема нехватки рабочей силы в значительной степени решалась с помощью принудительного переселения.

Работы по освоению территории, добыче золота, руд и угля, а также развитию инфраструктуры выполнялись в основном использовавшимися “Дальстроем” в качестве рабочей силы вольнонаемными работниками, а после подчинения его НКВД в 1938 г. – заключенными различных

исправительно-трудовых лагерей, разбросанных по огромной территории [14]. Лагерные и производственные объекты Главного управления строительства Дальнего Севера (Главдальстрой, Дальстрой) находились на Колыме. Заключенные использовались на добыче золота и олова. На начало 1938 г. числилось 83 855, а на конец – 117 630 заключенных [39].

Привлеченное население из российских районов имело высокую миграционную подвижность, слабую приживаемость. Основные причины заключались в том, что на Дальний Восток “приходили переселенцы, неподготовленные по характеру условий жизни на прежней родине к борьбе с совершенно другими, более тяжелыми, условиями водворения на новом месте”, а также в том, что здесь “жизнь дорогая, хозяйство ведется иное, не так как в России... да и климат другой: беснежные долгие зимы, короткое дождливое лето... дороги плохие...” [32, с. 15–16]. Однако, несмотря на обозначенные трудности, по данным переписи 1937 г., на Дальнем Востоке проживало уже 1977.2 тыс. человек².

В 1930-е годы в связи с обострением советско-китайских отношений и сменой экономического и политического курса произошло значительное сокращение численности китайских рабочих. В 1937–1939 гг. китайская община на Дальнем Востоке была почти ликвидирована. Активное использование труда китайцев возобновилось в конце 1980-х годов [15]. Многие из оставшихся в СССР китайцев пострадали от репрессий сталинского периода. По данным всесоюзной переписи населения 1959 г., в Сибири и на Дальнем Востоке проживало не более 26 тыс. китайцев [32]. Корейцы, проживавшие на территории Дальнего Востока, в 1937 г. были депортированы в Казахстан и Среднюю Азию (Узбекистан, Киргизию). Официальное обоснование выбора обозначенных территорий было связано с высоким мастерством корейцев в рисоводстве. Корейцами, переселившимися с Дальнего Востока в Казахстан, была организована «Корейская сельскохозяйственная трудовая артель “Казахский рис”».

Пятый этап (1940–1970 гг.). На данном этапе зафиксирована положительная демографическая динамика: численность населения Дальнего Востока увеличилась на 60% (при среднероссийском росте 8.4%).

Военный и послевоенный период сыграл негативную роль в формировании демографиче-

²По данным переписи 1939 г., численность населения на Дальнем Востоке составила 2366.5 тыс. человек [11].

ского потенциала региона. С началом Великой Отечественной войны плановое массовое заселение региона прекратилось; численность населения резко сократилась из-за гибели огромного количества дальневосточников на фронте [4]. По данным ЦСУ СССР, за 1940–1949 гг. естественный прирост населения Дальнего Востока РСФСР (вместе с Сахалином) составил 640 тыс. человек, но общий прирост был менее 280 тыс. чел., т.е. из региона в целом уехало на 360 тыс. чел. больше, чем приехало. Исключением стал Сахалин, который интенсивно заселялся в конце 1940-х годов, что было связано с объявлением 2 февраля 1946 г. Южного Сахалина и Курильских островов территорией СССР и активно проводимой агитационной работой по привлечению переселенцев. В результате двух крупных встречных людских потоков в 1947–1948 гг. (с Южного Сахалина и Курильских островов уезжали десятки тысяч репатрируемых японцев, с материка на острова ехали десятки тысяч советских переселенцев) к началу 1950 г. в Сахалинской области проживало 458,6 тыс. человек, абсолютное большинство которых имело советское гражданство [7].

В середине 1945 г. общая численность населения Дальнего Востока составила 2475 тыс. человек. В это время государством здесь были установлены льготы и надбавки к заработной плате, кроме того, различные министерства и ведомства вводили свои льготы. Несмотря на зачастую неудовлетворительную работу с переселенцами на местах, что приводило к массовому оттоку населения, его численность по переписи 1959 г. составила 4834,1 тыс. человек, при этом миграция обеспечила более 50% прироста (1,2 млн чел.) [26]. Однако с 1960 по 1970 г. из числа прибывших на постоянное место жительства на Дальний Восток остались всего 400 тыс. человек.

В этот период иностранные граждане не так активно, как ранее, привлекались в регион. По данным переписи населения 1959 г., в Сибири и на Дальнем Востоке проживало не более 26 тыс. китайцев [32]. Несмотря на проводимую ограничительную политику, с 1945 г. иностранные рабочие из КНДР направлялись в удаленные от границы районы Дальнего Востока (северные территории Хабаровского края, Сахалинскую и Магаданскую область) и были заняты в сельском хозяйстве, лесной и рыбообрабатывающей отраслях [17]. Ввиду того что на такие тяжелые и непрестижные работы было мало желающих, первоначально северокорейские власти направляли туда своих заключенных. Это вызывало протесты со стороны советских местных властей, поэтому в дальней-

шем власти Северной Кореи стали принудительно посылать квалифицированных рабочих [19].

На *шестом этапе (1971–1989 гг.)* к организованной миграции добавился поток самостоятельных переселенцев, которые составили 50% от числа въехавших. В целом интенсивность переселения продолжала снижаться, однако темпы увеличения численности населения за счет не только естественного, но и миграционного прироста оставались высокими в сравнении с общероссийскими показателями [24]. Численность населения, по данным переписи 1979 г., составила 6846,1 тыс. человек.

Число иммигрантов в это время было незначительным. В 1974 г. число корейских рабочих в Хабаровском крае превысило 13 тыс. человек, основная их часть была занята на лесозаготовительных предприятиях. В 1975, 1977 и 1985 гг. был подписан ряд соглашений о расширении площадей лесозаготовок на территории советского Дальнего Востока. По этим соглашениям советская сторона предоставляла технику и отводила участки леса под вырубку, а КНДР – свою рабочую силу. На территории Верхнебуреинского района были расселены северокорейские рабочие, они жили в закрытых поселках по законам своей страны [19].

В 1980-е годы вопросами закрепления населения и обеспечения его воспроизводства уже не занимались. Существовавшая система льгот, надбавок и материального стимулирования не способствовала решению задачи стабилизации миграционных процессов и закреплению населения [29]. Данный этап был последним, когда наблюдался высокий темп роста населения: в 1989 г. численность населения составила 7940,7 тыс. человек.

В течение 1987–1990 гг. население продолжало прибывать на Дальний Восток исходя из существовавшего ранее имиджа привлекательного региона с высоким уровнем доходов [8]. Однако с 1987 г. происходит резкое уменьшение положительного миграционного сальдо. Доля миграции в росте общей численности населения региона составляла менее 30%.

В августе 1987 г. была принята долгосрочная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г. В ней ставилась задача экономического развития региона в отличие от обозначаемых ранее военно-стратегических задач [24]. Смена целевых установок не оказала положительного влияния на динамику миграционных процессов. Население ощущало

негативные перемены и уже начинало реализовывать свои миграционные настроения.

Таким образом, несмотря на *слабую приживаемость населения Дальнего Востока России* при высокой миграционной подвижности, именно в советский период произошло формирование основной части постоянного населения региона. *В это время были распространены самостоятельные и принудительные потоки миграции. Проблема дефицита рабочей силы решалась с помощью привлечения трудовых ресурсов из центральных регионов страны и союзных республик, использования труда китайских и корейских рабочих, применения труда заключенных различных исправительно-трудовых лагерей.*

ПОЗДНИЙ СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (с 1990 г.)

Седьмой этап (с 1990 г. по настоящее время).

На начало 1991 г. численность населения Дальнего Востока достигла максимального показателя за всю историю его освоения – 8064 тыс. человек.

Если в 1990-е годы для России в целом миграция стала важной составляющей положительной динамики населения, компенсируя естественную убыль более чем на 50% [16], то на Дальнем Востоке сложилась противоположная ситуация: с началом экономических и политических преобразований в стране сальдо миграции приобрело отрицательное значение. С 1993 по 2010 г. его величина постепенно сокращалась – с 102,6 тыс. до 27,4 тыс. человек в год. В 1993–2000 гг. миграционный отток обуславливал, по нашим расчетам, 85–90% общего уменьшения численности населения региона, а в 2001–2010 гг. – 65%. По коэффициенту общего (–3,0) и миграционного (–2,8) прироста на 1000 чел. в 2011 г. регион занимал соответственно 8 и 7 место среди федеральных округов [40]. Численность населения на 1 января 2012 г. составила 6265,9 тыс. человек.

Международная миграция на современном этапе рассматривается в рамках двух потоков – трудовая и постоянная миграция.

Трудовая миграция в настоящее время служит необходимым условием функционирования экономики Дальнего Востока. На наш взгляд, датой начала нового периода в международных миграционных процессах следует считать 1989 г., а именно визит М.С. Горбачева в КНР.

Сравнительный анализ численности иностранной рабочей силы в Дальневосточном и других федеральных округах РФ за 2010 г. показывает,

что при среднем уровне абсолютной численности трудовых мигрантов среди всех федеральных округов Дальневосточный округ (ДФО) по относительным показателям занимает одно из лидирующих мест, в том числе первое место по интенсивности привлечения иностранных работников (в расчете на 1000 населения) и по их доле в численности занятых (рис. 1).

В 2010 г. на четыре южных субъекта ДФО (Хабаровский и Приморский края, Амурская и Сахалинская области) пришлось 74,5% общего числа трудовых мигрантов округа. Большая их часть в рассматриваемых субъектах занята в строительстве, сельском и лесном хозяйстве, оптовой и розничной торговле, ремонте автомобилей и т.п. [2, 23, 37, 38]. Основные страны выбытия трудовых мигрантов – КНР, КНДР, Узбекистан, Украина, среди которых лидирующие позиции занимает КНР.

На рубеже XX–XXI вв. наиболее активно обсуждается вопрос необходимости и безопасности привлечения китайских трудовых мигрантов на Дальний Восток России, один из аспектов – конкуренция местного населения и иностранных рабочих на рынке труда. В целом мы согласны с мнением Е.Л. Мотрич о том, что китайские трудовые мигранты практически не конкурируют с резидентами региона на российском рынке труда [25]. В то же время существует конкуренция с местным населением преимущественно в тех отраслях, где велика доля недокументированной занятости, к ним относятся строительство и рыночная торговля [35]. А.Г. Ларин отмечает, что нездоровая конкуренция между коренным населением и китайскими мигрантами возникает в сфере труда, где китайские рабочие-иммигранты работают за низкую заработную плату, что в значительной мере связано с нелегальной формой их трудоустройства [22].

Не менее актуален вопрос оценки и учета нелегальной миграции. Из-за невозможности точного учета нелегальных мигрантов данные об их численности на Дальнем Востоке в большинстве случаев имеют экспертный характер. По мнению одних экспертов, на одного оформленного мигранта приходится десять нелегально трудящихся [33]. Другие исследователи считают, что "...в ряде регионов китайцы составляют от четверти до половины реального населения" [12], "одну треть населения г. Уссурийска составляют китайцы и корейцы китайского происхождения" [30]. Более скромная оценка численности нелегальных китайских мигрантов на Дальнем Востоке ориентируется на 200 тыс. человек [22].

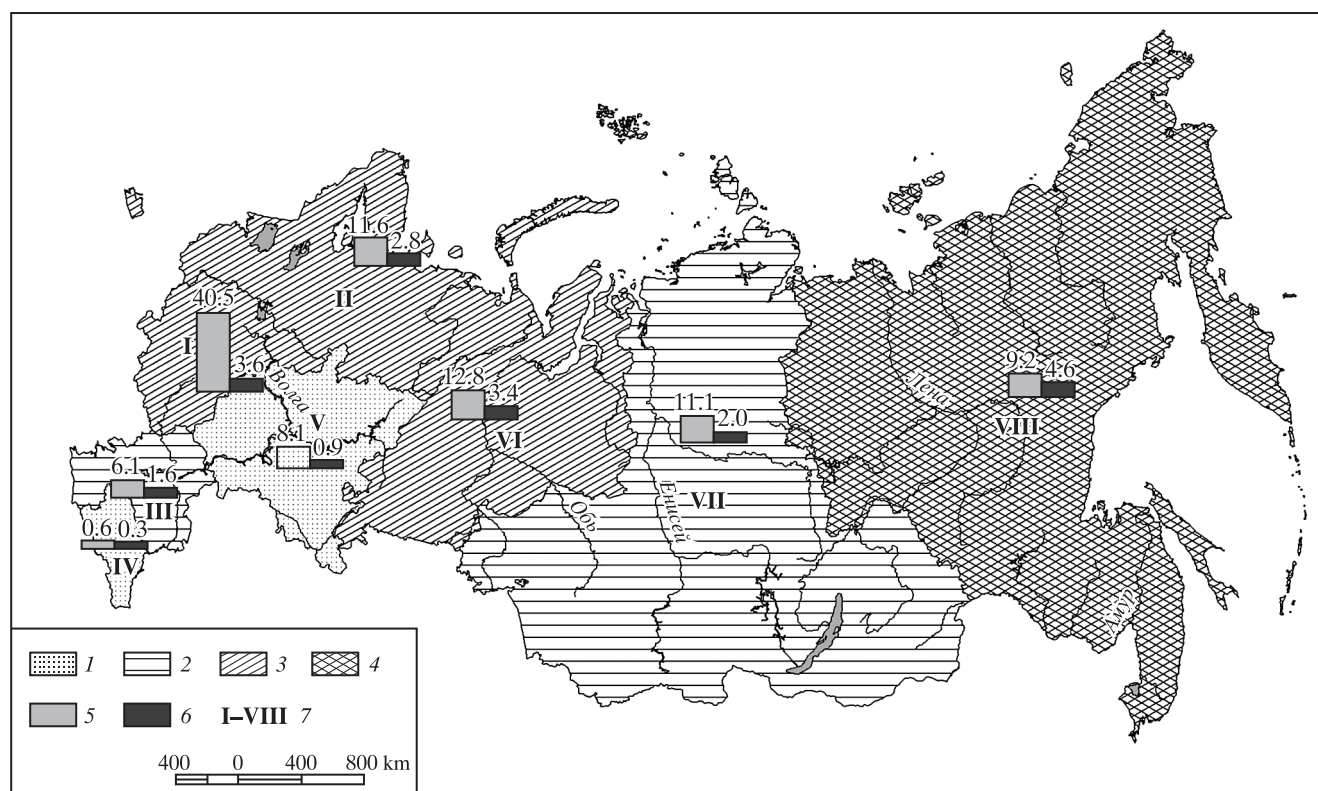

Рис. 1. Количественные показатели иностранной рабочей силы по федеральным округам России, 2010 г. 1–4 – численность иностранной рабочей силы на 1 тыс. жителей, чел.: 1) 1–4.5; 2) 4.6–9.4; 3) 9.5–17.3; 4) 17.4–24; 5 – доля федерального округа в общей численности иностранной рабочей силы в стране, %; 6 – доля иностранной рабочей силы в численности занятых округа, %; 7 – федеральные округа: I – Центральный, II – Северо-Западный, III – Южный, IV – Северо-Кавказский, V – Приволжский, VI – Уральский, VII – Сибирский, VIII – Дальневосточный

Широко распространена идея, что необходимость привлечения трудовых мигрантов обусловлена нехваткой местной рабочей силы. Мы согласны с мнением А.Д. Орлова о том, что “нехватка трудовых ресурсов в той или иной сфере... это вопрос структуры экономики и эффективности системы общественного разделения труда” [28, с. 197]. Необходимо модернизировать производство, тем самым повышая производительность труда и снижая потребность в трудовых ресурсах.

Отсутствие системного подхода в социально-экономическом развитии Дальнего Востока России, в том числе в сфере привлечения трудовых мигрантов, приводит к убыткам. Причем их несут не предприниматели, которые продают ресурсы (металл, лес, рыбу) или используют труд нелегальных мигрантов, а государство. После долгого перерыва российская экономическая позиция вновь оказалась слабой [22]. На современном этапе необходимо концентрировать усилия на установлении двусторонних отношений, реализация которых приведет к позитивным результатам для обеих сторон.

Новым явлением в сфере регулирования деятельности трудовых иммигрантов в России (с 01.07.2010 г.) стало осуществление предпринимательской деятельности иностранными гражданами, прибывшими на территорию РФ в порядке, не требующем оформления визы из стран СНГ, на основании патента. По данным территориальных органов ФМС России, в ДФО к концу 2010 г. количество выданных патентов составило около 7.5 тыс., большая часть из них выдана в Хабаровском крае, Сахалинской области и Республике Саха (Якутия). К концу 2011 г. количество патентов возросло почти в 6 раз, максимальное количество выдано в Приморском и Хабаровском краях, Республике Саха (Якутия).

Важной составляющей миграционных процессов постсоветского периода служит иммиграция населения из стран СНГ. В рамках исследования динамики мигрантов, проживающих на основании разрешения на временное проживание (РВП) или вида на жительство, выявлено увеличение числа мигрантов из стран СНГ при постепенном сокращении их числа из стран Дальнего зарубежья. На наш взгляд, это обусловлено не только

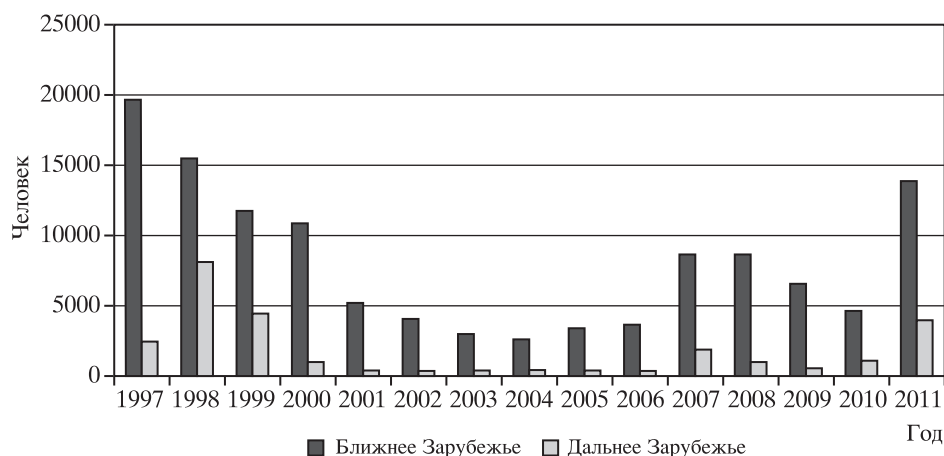

Рис. 2. Динамика прибывших мигрантов на Дальний Восток в 1997–2011 гг., человек
Составлено по данным gks.ru

увеличением числа непосредственно прибывших на Дальний Восток, но и изменением учета мигрантов, прибывающих в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы.

С 2007 г. отмечается рост числа иностранных граждан, прибывших на Дальний Восток на постоянное место жительства (получивших РВП или вид на жительство) (рис. 2). В значительной мере данный рост объясняется “легализацией” представителей стран СНГ, проживавших на территории России на незаконных основаниях. Официальная регистрация данной части иностранных граждан связана с введением упрощенного порядка их трудоустройства, а также усилением ответственности за нарушения порядка привлечения к трудовой деятельности в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства (Федеральные законы № 115-ФЗ от 25.07.2002 г., № 109-ФЗ от 18.07.2006 г., № 110-ФЗ от 18.07.2006 г., № 189-ФЗ от 05.10.2006 г.).

В 2011 г. вновь зарегистрировано увеличение числа иммигрантов на Дальнем Востоке почти в 3 раза по сравнению с 2010 г., что, на наш взгляд, также объясняется изменениями в учете долгосрочной миграции. С 2011 г. в качестве долгосрочных мигрантов стали учитывать лиц, зарегистрированных по месту пребывания на срок 9 месяцев и более (ранее срок составлял год и более).

Таким образом, за период с 1987 по 2010 гг. общее миграционное сальдо составило – 798,6 тыс. человек. При этом происходит увеличение числа иммигрантов из стран Ближнего зарубежья. Трудовая миграция играет более значимую роль по сравнению с предыдущим периодом. Основными странами – поставщиками трудовых мигрантов служат КНР, КНДР, Узбекистан, Украина.

Текущий период является “продолжением” досоветского и раннего советского (до 1926 г.) периода, тенденции которого были прерваны авторитарными установками и подходами в управлении миграционными процессами в советские времена. В последние десятилетия произошло ослабление централизованного управления развитием региона, что сразу же сказалось на динамике основных социально-экономических показателей и, как следствие, снижении миграционного притока, а затем и формировании миграционной убыли населения в дальневосточных субъектах Федерации. Использование труда иностранных работников – не новое явление для данного макрорегиона, однако в отличие от досоветского периода в последние два десятилетия это происходит на фоне интенсивного развития северо-восточных территорий Китая при негативных тенденциях в социально-экономической сфере российских регионов. Новым направлением в миграционных процессах региона является формирование двух противоположных миграционных потоков: отрицательное сальдо миграции Дальнего Востока в рамках внутрисредней миграции и положительное сальдо миграции региона со странами СНГ. На наш взгляд, необходимо формирование обоснованной стратегии миграционной политики, направленной на сохранение и расширение накопленного ранее демографического потенциала Дальнего Востока России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амур. Справочная книжка Амурской области для переселенцев. Благовещенск: Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1899. 93 с.
2. Амурский статистический ежегодник 2011: Стат. сб. Благовещенск: Амурстат, 2011.

3. *Аносов А.В.* Миграционная компонента развития Дальнего Востока России. М.: Издательско-торговая корпорация “Дашков и К”, 2009. 233 с.
4. *Арефьева И.А.* Демографический потенциал Дальнего Востока РСФСР в 1941–1945-е гг. и участие женщин в миграционных процессах // *Власть и управление на Востоке России*. 2011. № 4 (57). С. 106–113.
5. Атлас Азиатской России. СПб: Издание Переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия, 1914. 147 с.
6. *Брянский А.М.* Крестьянское хозяйство Дальневосточной области в пореволюционный период. Хабаровск: Восточное областное статистическое управление, 1926. 190 с.
7. *Бурыкин А.Н.* Проблемы формирования постоянного населения Сахалинской области // *Наука, образование, общество*. 2005. № 3: <http://journal.sakhgu.ru/archive2.php?div=1> (дата обращения 26.03.2013).
8. *Ващук А.С.* Миграционная политика России в конце XX – начале XXI: надежды на управленцев и реалии сельской глубинки юга Дальнего Востока // *Вестник ДВО РАН*. 2012. № 4. С. 24–31.
9. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и практика межгосударственных отношений. М.: Московский общественный научный фонд; ООО “Издательский центр научных и учебных программ”, 1999. 412 с.
10. Всесоюзная перепись населения 1926 г. РСФСР и ее регионы: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_26.php?reg=453 (дата обращения 12.11.2012).
11. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по регионам России: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=15 (дата обращения 26.02.2013).
12. *Гильбо Е.* Перспективы китаизации России: <http://www.xpromo.com/ruskolan/liter/china.htm> (дата обращения 20.02.2012).
13. *Головин С.А.* Изменение социальной структуры населения Дальнего Востока СССР: 1923–1939 годы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008. 42 с.
14. Дальстрой: <http://ru.wikipedia.org/> (дата обращения 08.02.2013).
15. *Дацышен В.Г.* Гастарбайтеры на востоке России: масштабы явления, перспективы и проблемы // “Мост через Амур”. Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сб. мат-лов междунар. исследовательского семинара / Под ред. В.И. Дятлова. М., Иркутск: Наталис, 2004. С. 49–61.
16. Демографический фактор в социально-экономическом развитии региона (на примере Пермской области) / Под ред. В.А. Ионцева. М.: ТЕИС, 2004. 256 с.
17. *Друзьяка А.В.* Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858–2008 гг.). Благовещенск: Издательство БГПУ, 2010. 290 с.
18. *Елисеев А.В.* Отчет о поездке на Дальний Восток. Читано в общем собрании И.Р.Г.О. 2 мая 1890 г. 16 с.
19. *Забровская Л.В.* КНДР–Россия–РК: обмен трудовыми ресурсами: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0333/analit04.php> (дата обращения 08.02.2013).
20. *Залеская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009. 380 с.
21. *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб.: Библиотека «Общественной пользы», 1905. 82 с.
22. *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
23. Миграция населения Приморского края: Стат. бюллетень с аналитической запиской. Владивосток: Приморскстат, 2011.
24. *Минакир П.А., Прокапало О.М.* Региональная экономическая динамика. Дальний Восток / Отв. ред. В.В. Кулешов. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.
25. *Мотрич Е.Л.* Миграция как фактор развития Дальнего Востока: http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/ekaterinburg/m_ekaterinburg07.php (дата обращения 12.04.2012).
26. *Мотрич Е.Л., Кравчук С.А.* Государственная политика хозяйственного освоения и заселения Дальнего Востока с конца XIX в. до середины 1980-х годов // *Вестник ДВО РАН*. 2006. № 6 (130). С. 120–128.
27. *Оболенский (Осинский) В.В.* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. 138 с.
28. *Орлов А.Д.* Гипериммиграция: миф о “нехватке рабочих рук” и объективные принципы выбора миграционно-демографической стратегии РФ // Национальная идентичность России и демографический кризис: Мат-лы II Всеросс. научн. конф. (15 ноября 2007 г.). М.: Научный эксперт, 2008. С. 197.
29. *Плохих С.В., Ковалева З.А.* История отечества. Владивосток: ДВГУ, 2002. 169 с.
30. *Рождественский А.* Будет ли Дальний Восток китайским? КНР продолжает мирную “экспансию на Север”: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1213967580> (дата обращения 30.05.2012).
31. *Рыбаковский Л.Л.* Демографический потенциал Дальнего Востока, его динамика и качество: <http://rybakovsky.ru/naseleniereg1.html> (дата обращения 12.04.2012).

32. *Свидерская В.В.* Демографическая политика Советского государства на Дальнем Востоке (60–80-е гг. XX в.). Владивосток, 2008. 163 с.
33. *Сидоркина З.И.* Иммиграция в демографическом развитии Дальнего Востока: Препринт. Владивосток: Дальнаука, 2007. 36 с.
34. *Синькевич Я.Ю.* История трудовой миграции на Дальнем Востоке // Наследие предков. 2004. (19). С. 34–43.
35. *Тарасова Е.В.* Миграционные процессы в Алтайском крае и задачи региональной политики // Национальная идентичность России и демографический кризис: Мат-лы II Всеросс. научн. конф. (15 ноября 2007 г.). М.: Научный эксперт, 2008. С. 296.
36. *Татценко К.В.* Тенденции экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Владивосток: Дальнаука, 2006. 216 с.
37. Труд и занятость в Сахалинской области (2005–2009 гг.): Стат. сб. Южно-Сахалинск: Сахалинстат, 2010.
38. Труд и занятость в Хабаровском крае: Стат. сб. Хабаровск: Хабаровскстат, 2011.
39. *Цаплин В.* Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х годов: http://scepsis.ru/library/id_491.html (дата обращения 15.01.2013).
40. Численность и миграция населения РФ в 2011 г. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2012.

Inner and International Migration in the Russian Far East in the MID 20th – early 21st Century

S.N. Mishchuk

Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Birobidzhan

Periodization of the development of the Russian Far East from the perspective of the macro changes in the migration processes is proposed on the basis of retrospective analysis of the processes of settling of the region. The factors of formation and dynamics of migration processes in the three periods are analyzed. The features and the reasons for the unsatisfactory development of the Far East by settlers from the European part of Russia during the first period, on the one hand, and characteristics of the labor of Chinese and Korean farmers in the Russian territory, on the other hand, are shown. The dynamics of forced and voluntary migration, the reasons for reducing the number of attracted foreign labor force in the region in the second period are investigated. The formation of oppositely directed migration flows (inner and international) during the third period is shown.